

Янко Т.Е. Категории темы, ремы и дискурсивной незавершенности в звучащей речи // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. Санкт-Петербург: Нестор-История, Институт лингвистических исследований РАН, 2013, С. 352-360.

Категории темы, ремы и дискурсивной незавершенности в звучащей речи¹

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН

Просодические показатели темы предложения и незавершенности текста не всегда различны. Они могут совпадать как по частотным характеристикам, так и по способу выбора слова — носителя акцентного пика. Так, тонограмма примера (1) из корпуса «Рассказы о свидениях» [Кибрик, Подлеская 2009: 573] демонстрирует серию подъемов частоты основного тона на ударных слогах словоформ *еще*, *такой*, *друзьями*, *подружкой*, *поссорился*, *подружка*, *стукнул* и *больницу*, которые говорят о том, что повествование не закончено (в записи примера носители подъемов набраны прописными буквами). Выбор словоформ-акцентоносителей соответствует базовым принципам выбора акцентоносителей в темах и ремах предложений, см. [Янко 2012]:

(1) А ЕЩЕ // у меня был ТАКОЙ сон // как я поссорился с ДРУЗЬЯМИ // с ПОДРУЖКОЙ // а с другом не ПОССОРИЛСЯ // ПОДРУЖКА // ее кто-то СТУКНУЛ // и она попала с БОЛЬНИЦУ...

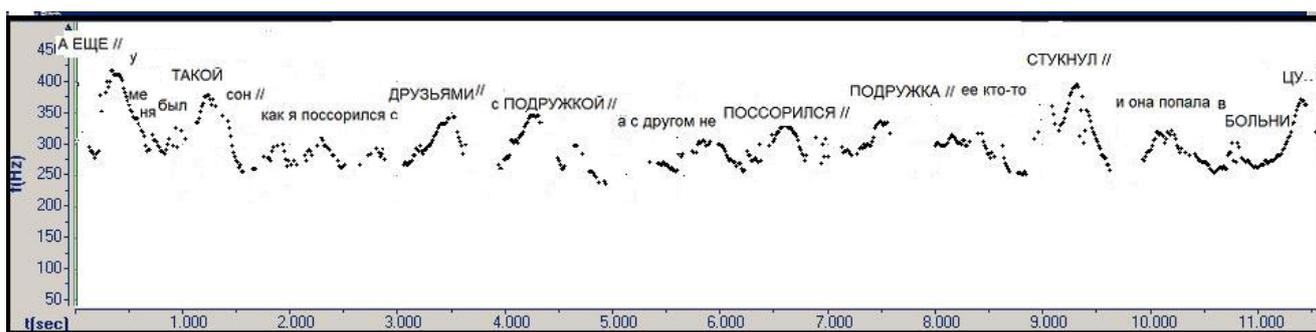

Рис. 1.

Между тем эти подъемы тона можно интерпретировать не только как показатели незавершенности текста, но и как маркеры множественных тем, соотносенных с ремой, расположенной в последующем контексте. Так, словоформа *еще* легко интерпретируется

¹ Работа выполнена по теме «Разработка компьютерной модели «Смысл – Звучащая речь» и электронной базы данных для ее поддержки» по Программе Президиума РАН, 2012—2014.

как тема, словоформу *подружка* в фрагменте *подружка, ее кто-то стукнул...* естественно понимать как вынесенный топик (тему). Формальные критерии, которые позволили бы отличить тему от дискурсивной незавершенности, здесь отсутствуют.

Возникает вопрос, существуют ли маркеры незавершенности, отличные от показателей тем. Наша задача состоит в том, чтобы дать положительный ответ на этот вопрос путем демонстрации стратегий маркирования незавершенности, не зависящих от маркеров темы.

Обратимся к примерам из того же корпуса. Тоннограмма примера (2) демонстрирует подъем на ударном слоге словоформы *кошка*, подъем на *обиделась*, падение на *спряталась* и новый подъем на словоформе *собачки*:

(2) А КОШКА, она ОБИДЕЛАСЬ и СПРЯТАЛАСЬ от нашей СОБАЧКИ.

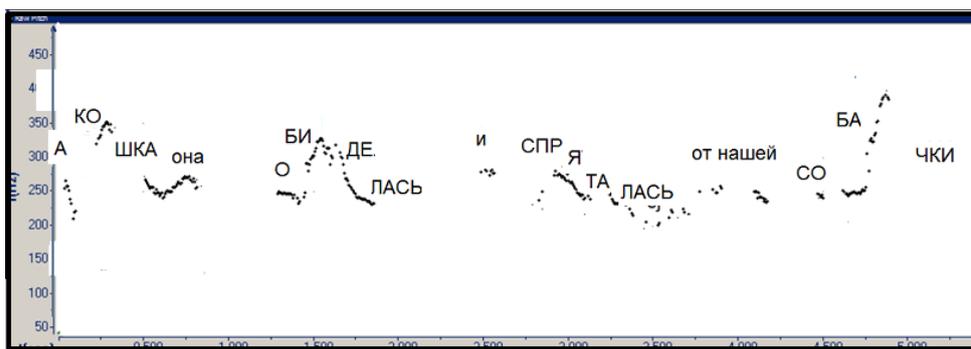

Рис. 2.

Словоформу *кошка* мы интерпретируем как вынесенную тему, *спряталась* — как акцентоноситель ремы, ср. сконструированный пример (3) с темой *кошка*, акцентоносителем ремы глаголом *спряталась* и обозначающим уже известного персонажа дополнением *от нашей собачки*, которое не несет коммуникативно релевантных акцентов.

(3) А КОШКА, она ОБИДЕЛАСЬ и СПРЯТАЛАСЬ от нашей собачки.

Акцентоноситель падения тона в (3) выделен полужирным шрифтом. (Подъем на *обиделась* в (2)-(3) может быть интерпретирован как вторая тема при реме *спряталась* и как показатель незавершенности в конструкции *обиделась и спряталась*: формальных оснований предпочесть одну интерпретацию другой здесь нет.)

Будем называть компонент просодической структуры предложения, расположенный в линейной цепочке после акцентоносителя ремы, **хвостом**, ср. **tail** в [Vallduvi, Engdahl 1996]². В примере (3) *от нашей собачки* — это атонический хвост, а в (2) хвост использован для указания на незавершенность текста: рис. 2 демонстрирует подъем частоты на ударном слоге словоформы *собачки*. Это автономный маркер

² В примере *You shouldn't have brought chocolates to the president. He HATES chocolates* авторы определяют *hates* как рему, а вторую встречаемость словоформы *chocolates* — как хвост.

незавершенности: он не совпадает ни с акцентоносителем темы, ни с акцентоносителем ремы.

Итак, наличие хвоста делает возможным независимое выражение дискурсивной связи. Между тем статистически часто акцентоноситель ремы располагается в абсолютном конце предложения, т.е. для формирования хвоста требуются специальные условия. Возникает вопрос, в чем они состоят. Другой вопрос: в каких случаях хвост действительно используется в дискурсивных целях? Ведь в (3) хвост есть, а указания на дискурсивную связь нет.

Ниже рассматриваются контексты, характерные для образования хвостов, и показывается, что использование хвостов для дискурсивной связи — особенность спонтанной речи: в подготовленной речи используются иные стратегии, при которых каждое сообщение может трактоваться говорящим как самоценное, т.е. вне связи с последующими шагами повествования. Ниже анализируются примеры (4–7) из «Драмы на охоте» Чехова в актерском чтении, где указаний на незавершенность текста практически нет, потому что чтец как бы предлагает слушателю остановиться и задуматься над каждым шагом повествования. Предложение завершается ремой, после которой ставится точка, а не многоточие. В разговорной же речи говорящий, как правило, боясь упустить внимание слушающего, предпринимает усилия, чтобы показать, что продолжение следует.

Тоннограмма примера (4) демонстрирует пик на ударном слоге акцентоносителя ремы *дело* и спад на словоформе *большое*, которая оказывается хвостом. Хвост в текстовой записи обозначен подчеркиванием.

(4) *Говорит, что ДЕЛО большое.*

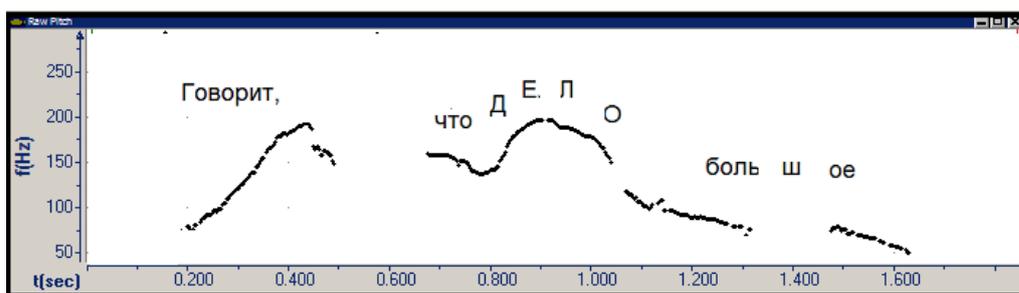

Рис. 3.

Неконечное расположение акцентоносителя ремы имитирует здесь разговорную речь. Сторож сообщает о просьбе посетителя, у которого есть дело к редактору. Подъем на *говорит*, не связанный с анализом хвоста, мы не обсуждаем.

В примере (5) наличие хвоста объясняется начальным положением рематического слова *мало*, о рематичности *мало* см. [Булыгина, Шмелев 1997: 200].

(5) *МАЛО я смыслю в мужской красоте.*

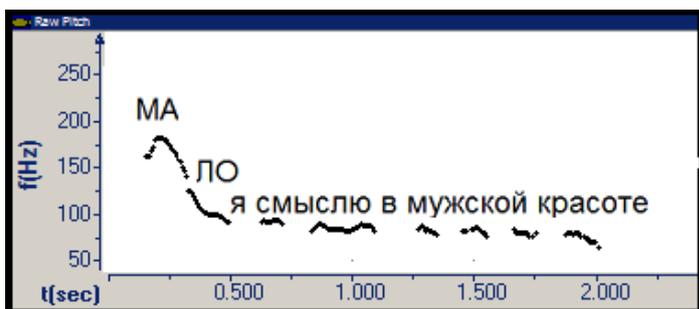

Рис. 4.

Тонограмма демонстрирует падение на *мало* и редукцию на хвосте *я смыслю в мужской красоте*.

Пример (6) иллюстрирует образование хвоста в контексте контраста, носителем которого служит препозитивное определение — контрастная рема *третьего*. Значение контраста состоит здесь в том, что посетитель приходил не один раз, как можно было бы предположить, а неоднократно:

(6) *Он и ТРЕТЬЕГО дня приходил.*

Графическую демонстрацию частотно-тональных характеристик примера мы опускаем.

Контраст — важнейший источник формирования хвостов, т. к. акцентоноситель контрастной ремы может оказаться в любой синтаксической позиции, в частности не предполагающей финального места в предложении. Подобный эффект сопутствует и эмфазе (в композиции с ремой), см. пример (8) ниже.

Частный случай контраста — верификация, или *да-нет*-значение. Акцентоносителем верификации в русском языке служит финитная форма глагола, зависимые которого формируют хвосты, ср. хвост *ждать себя*:

(7) *Господин же с кокардой не ЗАСТАВИЛ ждать себя.*

Итак, примеры (2-7) иллюстрируют факторы формирования хвостов: 1) неконечное расположение акцентоносителя ремы в разговорной речи или в имитации таковой (примеры (2-4)), 2) присутствие лексического «рематизатора» (пример (5)), 3) контраст (пример (6)), 4) верификация (пример (7)).

Вернемся к примерам из спонтанной речи, где, как и в предложении (2), для маркирования дискурсивной связи используется сегментный материал хвостов.

В примере (8) формирование хвоста обусловлено эмфатическим выделением слова *очень* в реме *не очень удачно*:

(8) *Покатался он не **ОЧЕНЬ УДАЧНО**...*

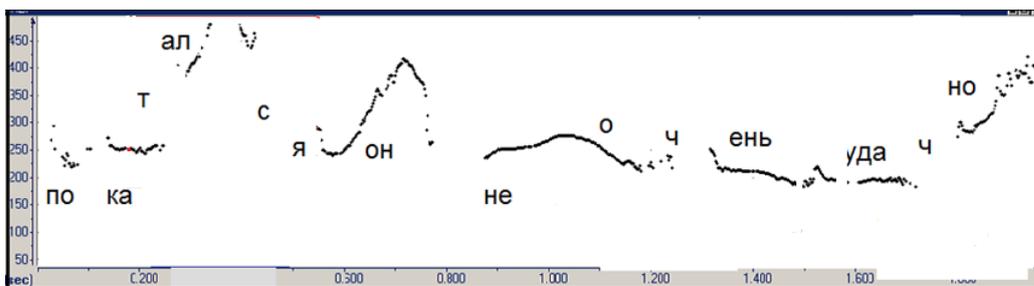

Рис. 5.

В (8) имеются две темы (*покатался* и *он*), отмеченные подъемами, эмфатическая рема *очень* и хвост *удачно*, который используется для маркирования незавершенности. Она обозначена здесь подъемом на заударном слоге (ИК-4, по Брызгуновой [Русская грамматика 1980: 111]). Пример заимствован из корпуса «Рассказы о катании на лыжах» [Podlesskaya 2012].

Пример (9) демонстрирует контраст на акцентоносителе контрастной ремы словоформе *прибит*, несущей падение тона. Подъем на дополнении *гвоздями* служит дискурсивной связкой:

(9) *Он не привязан, а **ПРИБИТ ГВОЗДЯМИ**...*

Пример взят из «Рассказов о сновидениях».

В примере (10) из того же корпуса указание на незавершенность обеспечено относительной свободой русского порядка слов, позволяющей выносить финитную форму глагола в финальную позицию, так что актанты оказываются в препозиции к сказуемому. Возникающий порядок SOV (OSV) открывает возможность для формирования хвоста в виде постпозитивного глагола.

(10) *Она меня вот **СЮДА** вот УКУСИЛА...*

Актант *сюда* служит акцентоносителем ремы (ср. *Она укусила меня вот **СЮДА***), а подъем на *укусила* говорит о незавершенности.

Очевидно, что во многих языках с жестким порядком слов такой тип указания на незавершенность невозможен. Так, в английском автономное маркирование незавершенности ограничено контекстом контраста, когда хвост формируется из «правого» контекста контрастной ремы³:

(11) *When I came across Buddhism I looked through the book of Jack Kerouac, **BOOKS** of Jack KEROUAC...* (радио CNN).

³ В связи с примерами (11-12) поясним, что в английском и в немецком языках маркером ремы, как и в русском, служит падение тона, а разновидности подъемов частоты основного тона среди прочих значений, таких как тема, обозначают дискурсивную незавершенность.

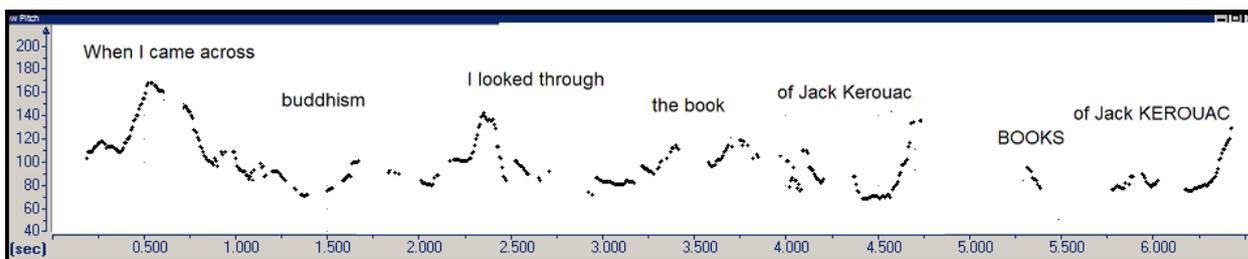

Рис. 6.

Контраст в (11) объясняется самоисправлением говорящего: он уточняет, что речь идет не об одной книге, а о нескольких: словоформа *books* во мн. числе — контрастная рема. Соответственно, постпозитивное определение играет роль хвоста, подъем на словоформе *Kerouac* выражает дискурсивную связь.

Возможность использования финальных глагольных форм в качестве акцентоносителей незавершенности имеет немецкий язык, однако в нем это связано не с изменением базового порядка слов, как в русском, а, наоборот, с фиксированной финальной позицией финитного глагола в придаточном предложении (пример (12)) и с порядком слов V2 в матричном, где вторая позиция занята вспомогательным (финитным) глаголом, а лексическая нефинитная форма расположена в постпозиции (пример (13)). Этот вопрос исследован в [Палько 2010], откуда мы заимствуем примеры.

- (12) *Als der Kater vor den KÖNIG KAM...*
 ‘Когда кот к королю пришел...’

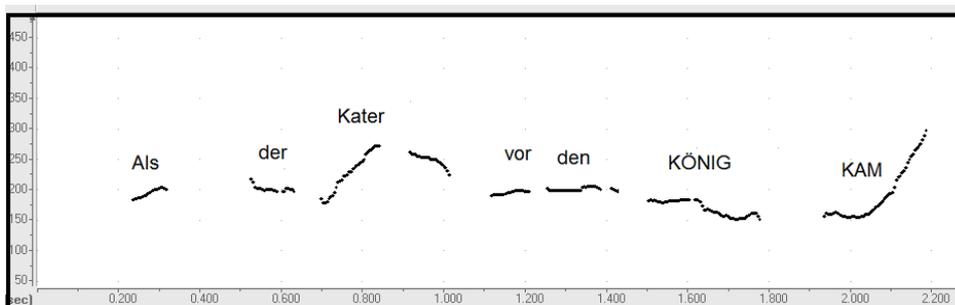

Рис. 7.

- (13) *Ich hab' in einer ZEITUNG GEBLÄTERT...*
 ‘Я вспом. глагол газету просматривала.’

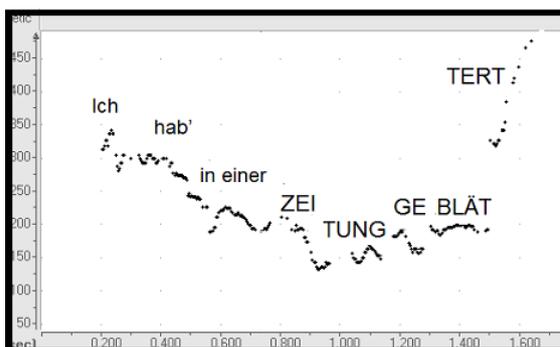

Рис. 8.

Итак, существуют просодии дискурсивной незавершенности, не зависящие от маркирования категорий предложения — темы и ремы, когда тема, рема и незавершенность имеют отдельные слова-акцентоносители и соответствующие частотно-темпоральные показатели. Автономное маркирование дискурсивной незавершенности основано на использовании сегмента, расположенного после акцентоносителя ремы, — так называемого хвоста. Существуют факторы, ведущие к образованию хвостов. Использование хвостов для маркирования дискурсивной связи характерно для спонтанной русской разговорной речи. В подготовленной речи стратегия использования хвостов, как правило, остается не востребуемой. В английской и немецкой разговорной речи существуют аналоги маркирования дискурсивной связи, однако факторы формирования хвостов и, следовательно, возможности использования соответствующей стратегии отличаются от выявленных на русском материале.

Литература

- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И.* Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. М., 2009.
- Палько М. Л.* Интонационные средства выражения коммуникативных значений (на материале немецкого и русского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2010.
- Русская грамматика: В 2 т. Т. I. М., 1980.
- Янко Т. Е.* Размещение акцентных пиков в предложении как выражение «смыслов говорящего» // От значения к форме, от формы к значению: Сб. ст. в честь 80-летия чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. М., 2011.
- Vallduví E., Engdahl E.* The linguistic realization of information packaging // *Linguistics*, 34. 1996.
- Podlesskaya V.* Russian complement clauses in prosodically annotated spoken corpora // V Междунар. конф. по когнитивной науке: Тезисы докл. Т. II. Калининград, 2012.